

Торчинская Эльга Григорьевна
 Корреспондент – Флиге Ирина Анатольевна
 08.02.2005

Вы рассказывали, как отец отошел от ЧК. Расскажите подробнее? Есть какие-то документы?

- Я это знаю со слов мамы. Документов никаких у меня нет, естественно. Это мама рассказывала мне потом, что... Это был 26-й год. Отец еще учился на юрфаке в университете. И мы переехали с мамой из Житомира. Родилась я в Житомире. Приехали сюда. И он работал и учился... Где он тогда учился, я не знаю точно. И работал в ЧК. Потому что у него еще остался такой пыл революционный. Он с войсками Красной армии выходил из Житомира, то есть он был целиком так революционно настроен. Но он продолжался этот пыл недолго. Во-первых, мама говорила, что он приходил домой в страшно взвинченном состоянии, нервничал, и всё-всё, так сказать, ему было противопоказано. Очевидно, то, что ему там приходилось делать, я так поняла. И однажды... Это тоже со слов мамы. Он должен был явиться на явочную квартиру. Тогда мама часто упоминала имя Азолина. Азолин тогда ведь был..., руководил Ленинградским ЧК. Ну, в общем, отцу нужно было явиться на какую-то явочную квартиру, где они там принимали. И войдя туда, он услышал как этот человек, к которому он должен был придти: - Этот жидёнок, - говорит, - уже пришел? Ну, отец мой это вынести не мог. Он подошел и дал ему в морду. И ушел. И сказал, что вообще он больше заниматься этим не будет. Он уехал. Насколько я помню, в 28-м. В общем, он мало еще с нами жил. Он уехал в Петрозаводск. И вообще ездил по разным городам, чтобы, так сказать, от этого...

Отец вышел не только из ЧК, но и из партии?

- Да. И из партии. И тогда уже начались настроения, вообще в семье, насколько я понимаю, потому что... Тогда начались эти... Платформа была 46, помните, вот подписывали? Вот Григорий Федорович, входил... Он подписывал и он же исключался из партии, я помню. Потом они снова каялись... Там всё это было... И в семье уже зародилось такое негативное отношение к Сталину и к его действиям. Это я, так сказать, всё со слов моей мамы.

Мама и вы, вы считали, что отец ушел из ЧК не только по национальному вопросу? Или в результате одной вспышки?

- Нет. Нет, нет. Это толчком было. Естественно. Потому что все эти действия... Я говорю, что я была очень маленькой. Я помню, мы приехали потом на каникулы, он уже жил в Москве. И я очень хорошо помню, как мы были в Москве, ездили туда, обратно. Он приезжал. Вот такая была жизнь. И однажды... Почему-то это мне врезалось в память, потому что отец у меня был очень веселый человек. Однажды он пришел и сказал... В общем, у него был вид такой... немного огорченный. И он сказал: - Сейчас разрушили храм Христа Спасителя. 32-й год это. И пошли они там что-то говорить, взрослые, за закрытой дверью, и я поняла его по этому поводу огорчение... Я не привыкла его таким видеть. Вечно у нас были шутки, смех!

А в чем это выражалось?

- Его отношение?

Да.

- Ну, вот он был потрясен этим обстоятельством, что разрушили храм Христа Спасителя. Это тоже воспринималось как в общем-то отношение... Сам он, конечно, неверующий был человек, естественно. Но вот этот акт такого

вандализма, как действия большевиков в те времена, очевидно вызвал у него определенное отношение.

Несмотря на то, что он был атеист, несмотря на то, что он был еврей...?

- Да. Ну, просто у нас были... Они не воспитывались в религиозном духе. Потому что дедушка мой адвокат тоже был... Они оторвались от религии своей. Что-то соблюдалось, кажется... Ну, знаете... Вот в маминой семье, там тетка была, она соблюдала, там, Пасху, и всё... В этой семье совершенно не соблюдалось. Потому что они очень русифицировались, так по своей натуре.... Причем, надо сказать, ощущали себя...

А по поводу разрушения храма?

- Для него это памятник культуры был. И он очень любил Москву, и всё... И вот это разрушение, конечно, им воспринималось негативно, естественно.

А он что-нибудь конкретное говорил?

- Я уже, конечно, не помню. Но я помню его страшно огорченный вид. Он всегда баловал меня, там, у него были всякие... А тут у него такое... И тут же они пошли с тетей шептаться, говорить... И мы с сестрой [двоюродной] вспоминали... Мы с ней одного возраста, она тоже там жила... И она говорит: - Знаешь, я только помню, вечно они закрывались в комнате и там шептались, и бесконечно говорили, чтобы дети не слышали.

(перерыв в записи)

- ...А дедушка у нас, тот вообще был ... (неразборчиво). Он приходил к нам домой... Он был адвокат. Он здесь в Ленинграде жил. Он член коллегии. Так он говорил анекдоты, помню, возмущался. Ну, когда арестовали уже отца...

Дед тоже записался со взрослыми?

- Нет, он при мне говорил. Я говорю, что я немножко возмущалась, потому что я была пионеркой. Но он не стеснялся.

А отец тоже потом работал адвокатом?

- Он был юрисконсульт. Его и забрали. Он работал юрисконсульт в одном из научно-исследовательских... Какой-то... почвоведения... Институт почвоведения в Москве.

Но адвокатом он не был?

- Адвокатом не был. Он юрист. Юрисконсульт. У нас все юристы. И тетка юрист, и все...

А дедушка был адвокатом?

- Он адвокат. Это у них в коллегии он старший адвокат был. Очень известный адвокат в Житомире. Его даже многие знают. Так что это семейное... Дедушка был очень демократичный. ...

А дедушка здесь потом когда работал в советское время, он рассказывал вообще о своей работе адвоката?

- Он рассказывал. Там, ему удавалось когда защитить, он приходил к нам... Он жил отдельно, но к нам приходил. И я помню, что он рассказывал, что удалось выиграть процесс какой-то...

А какие процессы?

- Ну, я не знаю... Бытовые какие-то, я думаю. Политические нельзя было... Бытовые... А тетка моя, старшая папина сестра, она тоже юрист была. Она до самой смерти почти работала в юрисконсульт в консультации. В детской консультации. И благодаря ей... Она писала, когда началась вот эта реабилитация, она вызволила из лагерей столько людей, и она очень много сделала, так сказать, зная меня. Собственно я и написала, что я хочу. И она мне всё подсказала, как мне

написать, куда писать, что делать. Так что это фамильное... А вторая тетка тоже была юристом.

Расскажите про папину вторую жену.

- Я очень мало о ней знаю. Я, правда, с ней встречалась. Она... Даже не знаю... Ведь Сережка появился...

Сережка – это ваш брат?

- Брат. Он появился уже после того, как отца взяли.

Она была беременная, да?

- Ну, во время ... несколько месяцев. Она умерла сравнительно недавно. Я о ней очень мало... Мы с ней даже встречались, когда я приезжала в Москву. И с Сережей мы видимся. Но я знаю, что мои тетки, которые в Москве живут, они с ней не очень контактировали. Она с большими странностями. И сам брат, когда он, так сказать, сыновний долг исполнял, там, но он мне часто приходил и жаловался: характер совершенно невозможный. С ней жить невозможно, с такими причудами... А он все-таки, вот, благодаря моей тетке... семья поддерживалась

А как вы с братом общаетесь?

- Да. Благодаря вот этой тетке, тете Бетти, она всегда считала себя покровительницей всей семьи, поэтому мы с ней переписывались всегда... Ну, и мы когда приезжали с мамой, она нас встретила, и она всегда всех, так сказать, держала «под надзором». И Сережка, он как раз был уличный мальчик, хулиганил, он был там в нехорошей компании. А она вообще его стала крепко воспитывать. И из него получился человек. Потом, постепенно, он на журналистику учился... Сейчас журналист. Известный.

Он тоже Торчинский?

- Он Торчинский.

А он какого года?

- 38-го. Отца взяли в 37-м в ноябре, а он 20 апреля 38-го.

А вы с ним когда стали общаться? После войны?

- Ну, до войны как-то мы не успели. А после войны виделись. Потом он сам так шел на контакт... Всегда я приезжаю в Москву, и он, и девочка [племянница] тут приезжала, у меня была. Так что у нас добрые отношения. Он позванивает...

Вы думаете, и мама так считала, что маму не арестовали, не сослали, потому что был развод? Или какие-то другие причины?

- Я не знаю. Очевидно... Очень трудно сказать. Потому что, если бы, не дай бог, у нас был бы обыск, тогда мы загремели бы обе. Потому что я потом уже, во время войны... Мы обнаружили такое количество литературы... Это еще отцовская там была. Но запрятана и никто не трогал. Юридическая. У нас такая этажерочка была, на этажерке там были: Троцкий, Зиновьев – всё было. Ну, вот просто не трогали. Меня это не интересовало. Маму – как-то так – ну стоит и стоит. Я думаю, что маму вызывали. Ее вызывали. Я помню этот день волнений страшных. Ей просто сказали, что у него семья. - Что вы думаете, что он не имеет там семью? И моя мама набралась храбрости и сказала им, что «это мое дело». И после этого нас не трогали. Не знаю, почему. Так повезло. Я поняла, что то ли решили, что слишком простодушна, то ли просто следователь попался более-менее...

Развод был официальный?

- Да.

Про арест дяди расскажите подробнее. Дядя - это Шура, да?

- У папы один был брат – неудачник. Брат Шурик. Да. Его арестовали... Дело в том, что он вообще был очень неустроенный человек. Женщины его любили, и он –

женщин. Правда, продолжались какие-то отношения, но он оказался на улице. И потом второй раз он женился. Я даже помню, что он привозил эту жену к нам. И там тоже сын. Причем сын сейчас дипломат. У него другая фамилия. Но вот в силу своей такой... Его первый раз арестовали, я не помню в каком году, в 34-м или в 33-м. Но я очень хорошо помню, что однажды, когда мы были в Москве, он читал свои стихи и рассказывал про этот первый арест. Ему то ли подкинули литературу какую-то, у него нашли, был обыск. То ли его кто-то подставил. И он был арестован. И вот он рассказывал, как его там пытали. Это на меня произвело впечатление. Ну сколько мне лет было... 9 лет, я помню.

И вы слышали этот рассказ?

- Да. Я слышала. Он при мне это рассказывал. Не стеснялся, он маме рассказывал. Он очень маму мою любил... Вот. И рассказывал, как капали, капали, на руку, на голову капали... На меня это такое впечатление произвело, что я запомнила. Вот. И потом он читал свои стихи. Талантливый был человек. Но так как он уже был арестован, то ему было негде работать. И он работал во время ареста своего шофером. Шофером в каком-то... И жил в общежитии. Потому что одна семья не состоялась и вторая не состоялась. Он оказался не очень выгодным [мужем]... Хотя женщины от него... умирали... совершенно. Красивый такой... певун был. И его арестовали уже после моего отца. Так что он приехал в Ленинград, я помню, после ареста отца, и жил у нас. Приехал в шинелишки, полудранных сапогах... Мама еще галоши свои давала. Он ходил у нас здесь – на работу не брали... тетки мои жалели его..., потому что он действительно был очень хорош собой. И он все-таки так... держался. А после этого он то ли сам написал, у меня сохранились кое-какие..., что дескать, если я в чем-то виноват, тогда арестуйте меня, но дайте мне жить. Потому что ему не давали ни работать, ни места... Короче говоря, он прямо на улице жил. Его арестовали. Отца моего расстреляли 1 сентября, а его 16 сентября 38-го года.

Подождите, я не поняла. Значит, он не работал...

- Он числился там шофером какого-то парка. Его арестовали... Даже у меня сохранилось в памяти, его арестовали буквально в трамвае.

Почему вы говорите, что он хотел, чтобы его арестовали?

- ... Просто ему не давали жить. Он нигде не мог устроиться. Он числился в этом автопарке, но везде... Поскольку он все время был под надзором и уже имел какую-то определенную в своей биографии, в своих документах определенные, так сказать, штампы... Но его просто не брали. Он очень был в бедственном положении.

А где он жил?

- Жил он в общежитии. Потому что отец в это время женился, поэтому эта комната была занята, и у него не сложились как раз отношения с этой женой отца.

Не сложились?

- Не сложились отношения. Там какие-то были сложности. Ему негде было жить. До этого они жили вдвоем с отцом в этой комнате..., там еще бабушка... Там большая такая коммунальная квартира..., Левоникольский, дом 8 квартира 5. И в общем на тот период он оказался... на улице. К нам он приезжал тогда, у нас жил. Отогрелся тогда. Приехал в Москву и его тут же арестовали. Это то, что я помню.

Расскажите про влияние школы. Как вы оцениваете на себе влияние школы?

- Очень сильное. То, что у нас школа была, у нас в основном учителя были – это бывшие бестужевские. Вы знаете, нам не навязывали...

Не навязывали что?

- Партийную такую... Во всяком случае я так не помню, чтобы нас... Ну была пионервожатая. Но их я как-то слабо помню. Были, конечно, какие-то не очень приятные люди, это я помню. А учителя, директор школы последний год Надежда Захаровна – это конечно люди были большой культуры. И школа для нас была таким родным домом: там были и кружки, мы ходили... В общем, дружили. А учителя... Мне запомнился учитель литературы последние три года, Павел Иванович такой у нас был. Он бывший артист... Он нам читал литературу. Он приходил и читал просто. Садился и читал. И, конечно, мы были под его влиянием очень сильным. И у нас прекрасный учитель математики был. Историю нам преподавал наша директор. И потом у нас была прекрасная воспитательница, которая нас вела с четвертого класса. Анна Федоровна, тоже из бывших бестужевки, наш биолог. Очень тактичная... Ну, я вспоминаю с такой..., с нежностью, конечно, школу. Сейчас 65 лет будет [юбилей окончания школы]. Меня вчера звали на 65-летие. Это очень была отличная школа. Я с первого по десятый класс с одним классом. Никуда не уходила...

Но помимо образования, что еще школа дала?

- Мы очень увлекались театром, увлекались литературой. Читали. Друг у друга «рвали» книги. Мы по-настоящему читали, с упоением, с интересом. Ну, и там шахматный был кружок... Ну, и потом, мы очень увлекались театром. Театр, в ТЮЗ... Бегали... И, конечно, опера, Печковский... Это у нас было увлечение.

А кем вы хотели стать, когда вам было 14 лет?

- А я даже не знаю... Я, конечно, гуманитар. Но с математикой я тоже «дружила» вообще. Но в общем меня, конечно, больше тянуло в гуманитарный. Поэтому я и пошла...

А какая у вас была мечта? Такая, детская мечта, романтическая, в 14 лет...

- Как-то я не знаю... Еще не определилась тогда... Не определилась... Хотелось что-то связанное с историей искусства...

Как вы, тогда, лет в 14 лет, понимали, почему людей арестовывают? Может, они виноваты в чем?

- Ну как-то... Тогда очень известна поговорка была «лес рубят – щепки летят». Это я помню, очень часто говорили.

А как вы ее понимали, эту поговорку?

- Понимали..., что, дескать... Я не знаю... Казалось так, что... Я не считала справедливыми аресты... Я не считала... Я просто понимала, что в такое время, вот, время строительства иногда бывают и ошибки. И вот те люди, которых я знала, я была убеждена тогда, что это ошибочное что-то... Просто вот кто-то что-то сказал, и по всей видимости за это его арестовали.

Но вы думали, что где-то там, люди вам неизвестные, врагами были? Или нет? Что где-то вообще есть враги?

- Что есть вредительство, несомненно, несомненно [так считала]. Что вредительство здесь было, конечно, молодая республика... [Враги] стараются ей навредить... Но некоторые люди, которые, так сказать, случайно попадают в этот водоворот, и оказываются ... - это ошибки...

Как же вы фразу «лес рубят – щепки летят» воспринимали: как неизбежное зло?

- Да, как неизбежное зло. Так ...

И что это правильно?

- Что это возможно. Мне трудно... Я уже не помню... Но вот именно просветительская деятельность моего деда играла тоже свою роль...

А дед что говорил?

- А дед говорил, что это... Все ведь думали, что Сталин ничего не знает. А дед высказывался, что если он позволяет из себя делать культ. Я помню этот анекдот, который он рассказал: одна какая-то колхозница благодарила: спасибо товарищу Сталину, что сделал меня счастливой матерью. Вот все хохотали ужасно. Все это такое... Это абсурд! Но тогда... я ощущала абсурд.

А дед не считал, что вот это «щепки», и что это неизбежное зло...?

- Нет, нет.

Он считал, что никаких вредителей нет?

- Он откровенно... Он абсолютно был убежден, что сыновья честные люди. И что все арестованные тоже не виноваты...

Во вредителей он не верил?

- Ни в каких! Это... Это нет... Абсолютно!

Вы рассказывали про страх. Что у вас было постоянное ощущение страха. Оно было в чем?

- А... эта неизвестность... Непонимание... всего этого.

Непонимание чего?

- Непонимание того, что происходит. И, конечно, отсюда страх..., что это может произойти с любым.

Что вы не знаете, почему арестовывают?

- Да. Конечно. Не понимали.

Вы говорили, что перед делом врачей началось нагнетание. Расскажите об этом это подробнее. Что за нагнетание? Что это было за ощущение?

- Это... Я уже была в музее тогда, я работала. И у нас там работали разные люди. Разные люди. Там такая женщина у нас работала. Ну, я не знала, что она пишет. Там у нас несколько человек, которые писали. Она из таких... Ну, такая выдвиженщица. Она в свое время где-то работала на фабрике, и всякие разговоры были о том, что Киров ее послал, поэтому она стала учиться. Она значительно старше нас была. А кончала она вместе со мной университет. Но настроение её, это было такое... И она особенно, так сказать, активно восприняла вот эту пропаганду... Она, во-первых, антисемитка, конечно, была страшная. Страшная антисемитка. Это чувствовалось во всем. И вот когда появилось это дело врачей - началось, она... Тут она в полную силу заговорила. Если раньше это было так немножко скрыто, хотя это ощущалось, то здесь она уже позволила себе И она все время, значит, говорила о деле..., рассказывала о деяниях этой Тимашук, что она такая храбрая и такая замечательная женщина...

Тимашук?

- Тимашук. Да.

А в чем ее храбрость была по ее мнению?

- А в том, что она раскрыла... Врачи-то ужасные оказались... Вот. Она раскрыла их... То, что она говорила, меня не поражало, потому что я уже знала, что она такое. Мы ее опасались и раньше. Потому что до этого у нас были свои дела... музейные. Мы знали, что она писала.

Что писала?

- Доносы писала. На директора. Директор у нас ведь еврей был. Старый большевик. Мы знали. А меня поразило отношение некоторых людей, которых я вообще-то считала порядочными. Но они тоже стали говорить... Там тоже рассказывать, что дети синенькие... Я помню, одна пришла, и стала говорить, что на Лаврова

[родильный дом на ул. Петра Лаврова], там родильный дом, там дети синенькие рождаются. Я так все время сдерживалась...

Синенькие? Не поняла.

- Синенькие... Вот врачи [еврей] такое что-то делают, что дети рождаются синенькие.

Это как? Это они что, кровь христианских младенцев пьют?

- Ну, непонятно. Если бы это можно было объяснить, то, что говорилось... Тогда ведь можно было в очереди что угодно услышать. И когда из очереди принесли вот такую новость, то вот единственный раз когда я... Я все время сдерживалась, я понимала, что мне надо молчать. Спорить с ними же бесполезно. Но некоторые оказались, вот даже люди, которых я считала своими подругами, и интеллигентными, они очень так сказать... То ли у нас свои отношения... Ну, своего рода провокации... И вот когда принесли вот эту новость, я тогда возмутилась и сказала: - Ты слышала это в очереди, и ты понимаешь, кто это говорил! Ну, что об этом здесь говорить! Ты понимаешь вообще, о чем ты говоришь! И вот тут вот эта Марина самая, наша... А она ко мне плохо относилась... Чем-то я ее обошла, я была проформом, то ли ей не отдала что-то... Я не помню.. Но она на меня страшно копила... страшно сказать! И тут она взорвалась: - Ты знаешь, что я могу тебе сделать? Ты молчи. Тут я не знаю, набралась мужества и сказала: – Пожалуйста, только не грози мне. Я тебя не боюсь. Вот так. А после этого... 53-й год умер Сталин. Многие наши дамы рыдали к моему удивлению. А потом, когда 4 апреля 53-го года знаменитое сообщение [о прекращении дела врачей], тогда я торжествовала победу. И тоже меня очень многие поразили. ... восприняли весьма траурно. Даже из моих подруг говорили: - Ну, это вообще! Как это? Краснодонцы! Они их допрашивали! И они молчали! А эти [дали показания]... Одна нормальная женщина так говорила, понимаешь... Я ей сказала: - Ну, господи! Ну ты-то, ты-то хоть понимаешь, как их допрашивали?

А скажите, у вас было сомнение, вступить в комсомол или нет?

- Нет. Все вступали, и я вступила.

Вы не думали об этом?

- Нет. Особо у меня такого не было. Ну, все вступали... Мне предложили - я вступила. Причем я честно сказала, что у меня отец арестован. У нас тогда был очень хороший комсомольский работник.

В школе?

- Да. Очень. Я ему сказала, что отец арестован. Что он жил отдельно. И всё.

И его это не заинтересовало?

- Нет. Я говорю, что школа у нас была как раз очень...

А в школе ребята между собой аресты обсуждали?

- ... да, нет, пожалуй... , хотя у меня у подруги был арестован отец...

И вы этого не знали... в школе?

- Мы знали. Мы знали. Потому что ее переселили из одной квартиры в другую. Она в нашем доме жила... Это профессор Рыльцевич. У нас еще Грабарь был...

В университете у вас друзья были? Расскажите про университетских.

- В университете? Ну, первый курс я как-то слабо помню. Нас было очень много. И как-то я себя там чувствовало не очень уютно... первый курс. А второй курс... установились несколько человек из тех, кто... У нас 17 человек была группа, но осталось двое... Потом уже на следующий год... Когда мы кончали в нашей группе, этнографической, было 6 человек. А весь выпуск наш был, Восточного факультета..., нас было, по-моему, 13 – 15 человек. Вот там у нас была дружба. Потому что пришли все голодные, несчастные, и все занимались с утра до вечера,

и в общем как-то друг другу помогали. И такой настрой был... Нас даже прописывали в общежитие без права жить там, чтобы мы имели карточки. Это по распоряжению Вознесенского.

А Вознесенский кем был тогда?

- Ректор. «Папа» Вознесенский. Он очень много сделал.

Как имя отчество?

- Александр Алексеевич. Это брат Николая.

И вы сказали... Эта студенческая компания, там не стояло никаких проблем со стукачами, с антисемитами...?

- ... Нет, совершенно не слышно было ...талантливые ребята, гении, все они были евреями. Миша Оранский, Володя Лившиц, который сейчас жив. Гениальные ребята ...

А борьба с космополитизмом не застала вас в университете?

- Это как раз, когда я кончала.

И что у вас в группе было? Что говорили по этому поводу?

- Негативное, конечно, отношение. Это постановление, я помню... Очень хорошо помню, как Мещанинова травили и как было какое-то судилище, и когда Мещанинов вошел – все встали. Так что студенчество относилось к этому очень...

Но, а протестов никаких не было?

- Я не помню. Я уже закончила в 48-м году. И помню «загнанного» совершенно Проппа. Ну, это было... 48-й год... Тогда... Ну, тревога была. Тогда нам приходилось, во-первых, на языкознание досдавали... Очень негативное отношение, конечно... Все прекрасно понимали. Все понимали... всю эту историю. И, конечно, было резко отрицательное отношение.

Пропп отрекался публично, да?

- Его отречение я не слышала. Я только слышала... Была его ученица, она тоже этнограф. Она потом была в музее этнографии, она работала вместе со мной. Она защитила диссертацию у него. Причем, она из талантливых была его учениц. И ее заставляли отречься уже будучи в музее. И я помню, что я умираю от стыда за нее. Но ей пришлось, потому что... либо отрекаешься, либо ты вылетаешь из музея. Она кандидат наук, она поступила в музей уборщицей. И наконец она стала научным сотрудником, и ей поставили условие... Абижанская, - её заставили отречься. Но она сделала это... В общем, без надрыва, и как-то, так сказать, про себя, что она тогда не понимала... всей пагубности его теории... Но во всяком случае я помню чувство стыда.

Но вы потом с ней общались?

- Общалась. Конечно. Она вступила в партию потом. ... Вообще она умный человек! Очень умный! Она так про себя ... решила. Ну, нет, уже там в музее... было определенное отношение всех. Не у всех, конечно...

Вы рассказывали про конфликт с Наумовым. Как обсуждался этот конфликт?

- С Наумовым? ... Наумов, он был членом партбюро, там не знаю, Это я слышала со слов других. Я присутствовала на комсомольском собрании, где прочесывали... Такой был Эрик Горлин, который переводил... Подождите... Английского писателя он переводил. Переводил ... Он из переводческой семьи. И, в общем, он издал книгу, в которой нашли преклонение перед Западом. И я помню как весь зал (на историческом факультете это было собрание), и как напористо вел это всё Наумов, с определенной такой целью его раздраконить. И тогда выступали. Я помню, что тогда был Молдавский и Баскаков, два друга. Причем Молдавский..., он умер. Я помню, как они защищали его. Тогда были такие... Были люди, которые защищали Горлина. Но его исключили из комсомола...

Состоялось комсомольское собрание. Люди защищали. Наумов - обвинял... Как потом вы это обсуждали в своем кругу? Что правильно, что вступились? Что надо было всем вступиться? Ну, как сами обсуждали?

- Так просто говорили, что... Вот такое время и...

Но кто-то защищал....

- Во всяком случае я не была с такими людьми. Очевидно, у них... Я не знаю... По всей видимости возмущение кипело, потому что тогда настроения были определенные такие.

Какие?

- Ну, настроения... Ну, возмущения. Тем, что происходило... Но Наумов и Гуковского тоже ведь... [преследовал], собственно говоря... После этого мне рассказывали, не знаю, насколько это правда, что он однажды ...получил не то оплеуху, не то ему плюнула в лицо, за то, что он сделал с Гуковским.

Кто ему плюнул?

- Дочь Гуковского. Наташа Долинина.

Плюнула...

- Да. Наумову. Главное, что Наумов держал линию партии. Твердо держал линию партии во всех этих отношениях. И заработал поэтому такое и отношение стало...

Скажите, у вас отношение к партийным людям когда стало негативным? С детства?

- Пожалуй, во время войны и после войны.

Во время войны. Когда вы первый раз столкнулись с грубостью партийной?

- Пожалуй... Ну, во время войны... Нет, не могу сказать, что там именно грубость... Ну, не грубость. Подлость, ну, что-то такое...

- В музее.

А вы рассказывали ваши впечатления, как жила коммунистка Иванова во время блокады.

- А, это наша соседка. Иванова

Так это значит, еще 41-й год. Значит, вы тогда уже сталкивались?

- Ну, да. Ну, очень сильно ... говорили, что тогда она вступила в партию, там... Ну, она серая была... Когда ей говорили, что придут немцы, тебя расстреляют... Она говорила: - А я скажу, что я с партией была не согласна. Вот я помню эту фразу.

Но вы рассказывали, что она не бедствовала во время блокады.

- Она на хлебозаводе работала.

А как вы к этому относились?

- Ну, конечно, отрицательно.

В смысле, как что это? Как партийная характеристика? Или как личная подлость?

- Да ну... как... просто она такая была – воровала..

Как несправедливость?

- Нет, не несправедливость, а просто... Это вообще... [иллюстрация]... к тому, кто в партии..., какие люди в партии.

Для вас то, что эта Иванова-мерзавка в партии, это характеристика партии? Что все они такие.

- Члены партии не все были такие. Но во всяком случае такие люди туда идут. И уже тогда..., понимаете, тогда..., во время войны... уже такое понимание, что далеко не лучшие люди обитают в партии.

Но вы знали, что партийные не так голодали?

- Смотря кто..., какие. Во всяком случае эта Иванова, об этом мы знали, мы знали, конечно, что... как они устраиваются. Это мы знали. И во время войны. И после

войны. ... когда мы ехали в Куйбышев. Там... на заводе тоже было какое-то деление. Было деление.

Ну, и как? Вы считали, что это несправедливо, недемократично? Как?

- Я считала, что, господи боже мой, люди пробиваются в партию... Уже тогда я... Появилось у меня такое... что для этого они и идут в партию

А вам предлагали вступить в партию?

- Предлагали.

Это в каком году?

- Это было... в 52 – 53 году. ... наше поколение постаралось не ходить. Потом следующее поколение, они друг друга расталкивали... локтями, лезли в партию. А наше поколение... Мы старались это делать. Я помню, что я допрашивала свою заведующую, мы с ней были вместе с экспедиции... Она была членом партии... Ну, она была умная женщина. В партию вступила. Завоевывала положение. И я ей сказала... Были откровенны немножко. И я говорю ей: - Как можно, так сказать, понимание того, что делается увязать с твоим членством в партии. Там же надо быть таким более ... вместе с партией. А она... Она как раз агитировала меня и сказала: - Мы хотим, чтобы больше было честных людей в партии.

Как вы отказались?

- Честно.

Что вы не хотите, потому что...? Как вы сказали?

- Ну, я тогда что-то придумала, что я еще подумаю, что я не созрела. А потом я себя достаточно независимо держала.

Когда вы решили, что вступают в партию только из карьерных соображений?

- Это я уже понимала в войну, в университете. А уже, когда я в музее... В университете у нас как-то никто и не вступал, я не знаю, я была очень далека. Я была в профкоме. Меня интересовали только всякие социальные вопросы. А вот что касается партбюро, и всё это – я как-то мимо прошла. Вот моя лучшая подруга – у нее тоже отец был репрессирован. Мы друг друга понимали...

В 51-м году вам предлагали вступить в партию, несмотря на то, что у вас во всех анкетах было, что отец...?

- Я не писала, что отец... Я писала... Вот, в музее..., я не писала подробно. Единственно, что я могла написать: отец умер. Я не раскрывала.